

Индекс УДК 261.7

Код ГРНТИ 21.41.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-115-04-84-95

**М.О. ОРЛОВ,
А.В. ИВАНОВ,
С.А. ДАНИЛОВ***

Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога

В современном российском обществе проблема взаимодействия светского и религиозного мировоззрения является актуальной, её значение во многом определяется ростом внутренних рисков и угроз, в том числе экстремистских, протестных движений, распространением кризисных форм духовности, вовлечением граждан в деструктивные квазирелигиозные практики. Сохранение духовно-нравственной культуры России является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности, гарантом её устойчивости и стабильности в условиях экспансии чуждых российским традициям и ценностям социокультурных практик и идеологических нарративов. Поиск конструктивных оснований сотрудничества государства, религиозных институтов и общества является приоритетной целью настоящего исследования.

В результате проведённой работы можно выделить следующие достижения исследовательского коллектива: выявлены историко-философские горизонты представлений о светскости; обоснован выбор дискурсивного анализа в качестве методологического основания изучения светскости и религиозности; сформулировано представление о секулярности как комплексном взаимодействии светских и религиозных типов мировоззрения; очерчены границы понимания светскости в контексте теологического дискурса; выделены и описаны рискогенные направления публичных дискуссий о роли религии в современном научном пространстве, негативные сценарии развития отношений государства, Церкви и общества; проанализировано влияние цифровой среды на отношение молодёжи к проблемам веры, религии, нравственности; проанализированы век-

* **Орлов Михаил Олегович** — доктор философских наук, декан философского факультета, заведующий кафедрой теологии и религиоведения Саратовского государственного университета (СГУ) имени Н.Г. Чернышевского, руководитель проекта «Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога» (21-011-44127).
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Иванов Андрей Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, исполнитель того же проекта.
E-mail: ivanowaw@gmail.com

Данилов Сергей Александрович — кандидат философских наук, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, исполнитель того же проекта.
E-mail: danilovsa@sgu.ru

торы трансформации границ религиозности и светскости в условиях цифровой среды; создана классификация медиаресурсов, публикующих религиозный контент; описаны их основные стратегии, выявлены потенциальные риски и угрозы; сформулированы рекомендации для органов государственной власти в области экспертизы и мониторинга интернет-пространства на предмет деструктивных религиозных тенденций.

Полученные результаты нашли своё выражение в разработанной консенсусной модели межконфессионального взаимодействия, направленного на поддержание духа сотрудничества и укрепление доверия между представителями светского и религиозного мировоззрения в условиях современного постсекулярного общества, формирования готовности государственных, религиозных, социальных институтов к сотрудничеству по социально значимым вопросам.

Ключевые слова: теология, религиозные ценности, мировоззрение, постсекулярное общество, светский гуманизм, гражданское общество, общество риска, социальные институты

Исследование проблемы религии и общества на современном этапе развития научного знания предполагает поиск новых методов, позволяющих изучить комплексную природу секулярности в пространстве общества позднего модерна. При этом следует учитывать, что сами термины «религия» и «секулярность» являются контекстуальными и исторически изменчивыми; следовательно, анализ соответствующих подходов должен учитывать влияние различных социальных, культурных и эпистемологических факторов [1].

Современная социальная философия и теология о феномене секулярности

За последние десятилетия на фоне дискуссий о секулярности в гуманитарных и социальных науках произошли значительные изменения, итогом которых стало формирование дискурсивного подхода [2]. Как указывает К. Стакрад, дискурсивная теория религии является прямым следствием взаимосвязанных трансформаций научного знания [3].

Дискурсивная стратегия исследования научного и религиозно-теологического позволяет установить не только существенное различие между ними, но и выявляет более глубокую связь, которая всё активнее

обнаруживает себя по мере того, как религия, наука и светское общество в целом вступают на более зрелую стадию своего развития. Между религиозным и светским дискурсами существует множество различных отношений, и понимание этого необходимо как для осмысления конфликта интерпретаций светского и религиозного дискурса, так и для рефлексии по поводу возможностей их гармонизации в процессе диалога [4, с. 53].

В социальном контексте связи между теологией и секулярно-научным дискурсом всегда представлялись наиболее конфликтными, поскольку традиционное представление о религии как о тормозе общественно-исторического развития, сложившееся в европейской культуре начиная с эпохи Просвещения, породило многочисленные социально-политические дискуссии о границах религии в светском обществе. Дискурсивный анализ позволяет осмыслить меняющиеся представления о секулярности в различных исторических условиях взаимодействия светского и теологического дискурса, определить как возможные источники интерпретативных конфликтов, так и определить возможности компромисса в условиях динамично развивающейся социальной среды современного общества.

Главное отличие понимания светскости в контексте теологического дискурса заключается в следующем: сторонники секулярного дискурса определяют секуляризацию как трансформацию религиозности, которая сопровождается снижением социального значения религиозных институтов; а в рамках теологического подхода секуляризация рассматривается негативно как отступление от «нормального состояния», которое сопровождается не только повсеместным распространением атеистического натуралистического мировоззрения, но и нравственным упадком и перерождением всего общества в целом.

Как отмечает митрополит Иларион (Алфеев), «следует различать секуляризм, который характерен для современного светского общества, где Церковь отделена от государства, и воинствующий секуляризм, который по своей сути является антицерковным и антихристианским явлением. Именно воинствующий секуляризм пытается изгнать христианство из общественной жизни и настаивает на том, что религия должна быть частным делом отдельных индивидуумов... Однако воинствующий секуляризм не может восприниматься как общий знаменатель для всех религиозных течений и представителей разных мировоззрений. Таким общим знаменателем может быть только секуляризм, который вытекает из принципа отделения Церкви от государства, но не предполагает, что этот принцип будет означать вытеснение Церкви из общественного пространства» [5].

Основываясь на приведённом анализе концептуальных положений светских и теологических доктрин о сущности секуляризации, можно констатировать как общие, так и различные черты обеих концепций.

Во-первых, в обеих концепциях присутствует одинаковое понимание секуляризации как социального упадка религии, в результате которого представители различных конфессиональных групп во взаи-

модействии друг с другом вынуждены руководствоваться принципами светского демократического государства, а религиозные нормы трактуются лишь как частные партикулярные нормы.

Во-вторых, теологическая концепция, предполагающая разностороннюю критику секуляризма как вытесненной религиозности, указывает, что в условиях современного общества секулярная идеология более не является основанием всеобщей нейтральности и консенсуса во взаимодействии религии и общества, который обеспечивался секулярностью в момент своего зарождения. Теологическая позиция содержит в себе рациональное основание в том отношении, что её представители не просто призывают к возврату в досекулярное состояние, а полагают возможным и необходимым выработку новых принципов данного взаимодействия. Как представляется, в этом центральном пункте сближаются взгляды представителей всех отмеченных групп.

В результате проведённого исследования было выявлено, что, как правило, под светскостью понимают либо вытеснение религиозности из пространства публичного взаимодействия, либо ограничение деятельности религиозных организаций как полноправных социальных институтов. Однако данный взгляд на проблему выражает понимание светскости со стороны нерелигиозного населения, ассоциирующего себя с атеистическим или агностическим типами мировоззрения. При этом из исследовательского поля зрения могут исчезнуть важность и перспективность анализа позиции противоположной стороны — конфессиональной. Религиозный подход к концептуализации светскости является одним из ключей к гармонизации социальных отношений, при котором государственно-конфессиональные и церковно-общественные формы взаимодействия смогут быть описаны в рамках логики «модели перекрывающегося консенсуса».

Исследование взаимодействия светского и религиозного мировоззрения в контексте социализации молодёжи: кризисные явления и тенденции развития

Проблема взаимодействия светского и религиозного находит выражение через анализ процессов социализации. В отличие от социализации светского типа, для описания традиционной религиозной социализации требуется несколько иной методологический инструментарий. Если для западноевропейской школы социологии религии в лице Д. Шерката [6] базой является агентоориентированный подход, где доминирующая роль в качестве агента социализации отводится семье и исследовательский фокус обращён на плоскость детско-родительских отношений, то в контексте настоящего исследования основной упор был сделан на институциональное участие Церкви (воскресной школы, прихода в целом) в осуществлении религиозной социализации детей и молодёжи.

Анализ специфики российского социума показывает, что религиозную социализацию традиционного типа следует рассматривать как более широкое явление, охватывающее различные возрастные группы и ориентированное прежде всего на конкретную конфессию как основной социализирующий агент. Применительно к общине православных христиан под религиозной социализацией будут пониматься катехизация как процесс и воцерковлённость как результат (примечательно, что ряд исследователей социологии православия, например Ю.Ю. Синелина [7], В.В. Чеснокова [8], используют понятия «религиозная социализация» и «воцерковлённость» как синонимичные).

Таким образом, современное православное сознание стоит на позиции, согласно которой «светскость» должна пониматься не как безрелигиозность или антирелигиозность в смысле монополии атеистического мировоззрения, а как такой принцип устройства социальной жизни, при котором для граждан действует свобода вероиспо-

ведания, а Церковь получает возможность активно взаимодействовать с государством и нерелигиозной общественностью в решении социально значимых вопросов. Данный подход с акцентом на коммуникативную составляющую светскости позволяет выделить новый горизонт в понимании данного концепта. В XXI в., в условиях плюрализма мировоззрений и религиозных убеждений, светскость в качестве маркера религиозности и нерелигиозности теряет своё значение и становится новой коммуникативной стратегией, при реализации которой разные социальные институты получают возможность публичной дискуссии с целью поиска и претворения в жизнь наиболее эффективных решений, касающихся развития как отдельных сфер социума, так и общества в целом.

Светскость в данном случае определяет границы, в рамках которых становится возможным диалог религиозных организаций, социальных институтов, органов государственной власти, а также создаёт безопасные, не ведущие к эскалации напряжённости механизмы взаимодействия с нерелигиозным населением. Важным фактором обеспечения светскости выступает готовность взаимодействующих сторон развивать интеллектуальную культуру, при которой, с одной стороны, будет происходить взаимообогащение институтов, а с другой — могут быть выработаны новые формы их самоосмысления и саморепрезентации.

Подводя итоги, следует сказать, что в третьем тысячелетии именно религиозные интенции послужили импульсом для переконцептуализации светскости в условиях постсоветской реальности, в том числе значительное влияние на формирование государственно-конфессионального диалога оказали процессы воцерковления молодёжи и её приобщения к российским национальным ценностям в контексте религиозного воспитания.

Религия в условиях постсекулярной современности характеризуется синхронизацией процессов индивидуализации и плю-

Рис. 1. Кризисные типы религиозной социализации

рализации религиозных практик, что в свою очередь становится основной причиной разнообразных маргинальных тенденций.

В итоге всё большее распространение получают такие кризисные типы религиозной социализации, как атеизация, ритуализация, рост популярности внеконфессиональной религиозности и квазирелигиозных сообществ (рис. 1).

1. Атеизация как утрата исходной религиозной идентичности, разочарование в религиозном мировоззрении, переход в число атеистов. К числу факторов, которые усиливают указанные негативные тенденции, можно отнести открытое общественное одобрение и пропаганда атеизма; негативная реакция образованной части общества на религиозный фундаментализм; идеологическое неприятие слияния религии и политики; исходный низкий уровень религиозной социализации в рамках семьи; внутренний конфликт между религиозными убеждениями и ценностями секулярной культуры, ценностный разрыв между религиозными идеалами и реальностью, наблюдаемый в деятельности религиозных организаций и др. [9–11].

2. Ритуализация. Сущность религиозного ритуализма заключается в отступлении от религиозной жизни при сохранении внешней принадлежности к религиозным институтам. Данная тенденция может быть выражена формулой «религия без веры», когда принадлежность к религиозной организации утрачивает свою духовную составляющую, но продолжает сохранять социальное значение, превращаясь в систему исполнения социальных ритуалов, которым

индивид вынужден следовать в силу различных причин: боязни потерять достигнутый и индивидуальной статус в группе, осуждения окружающих, превращения религиозной идентичности в элемент этнокультурной самоидентификации.

3. Внеконфессиональная религиозность и квазирелигиозность. Другим кризисным типом религиозной идентичности является, например, внеконфессиональная религиозность, в ходе которой индивид, утративший социальную связь с религиозной организацией, продолжает идентифицировать себя в качестве верующего («вера без религии»).

Относительно характера религиозной социализации современной российской молодёжи следует сказать, что, как и в случае со светской культурой, индивидуализация является одной из основных черт религиозных изменений в модернизирующихся обществах. Современная российская молодёжь, как и предыдущие поколения советских людей, была сформирована в культурном контексте, где право выбора своего мировоззрения считается само собой разумеющимся. Можно предположить, что в подобных условиях начальной точкой религиозной социализации для большинства молодёжи являются не столько религиозные институты, сколько исходный уровень религиозности семьи, который можно рассматривать в качестве первичного института социализации, с одной стороны, а с другой — субъективный выбор своего места среди множества мировоззренческих альтернатив [12].

Таким образом, в обществе, вовлечённом в процесс секуляризации, мы можем

Рис. 2. Риск-тенденции трансформации границ религиозности и светскости в общественном сознании

обнаружить растущую автономизацию различных сфер по отношению к религиозным институтам. Как уже отмечалось, траектория, которую можно считать наиболее характерной для позднего модерна, — это институциональное возрождение религии. С другой стороны, наблюдается дальнейшее распространение секулярных тенденций, выражающихся в росте популярности разнообразных практик, смысл которых состоит в том, что индивиды по-прежнему продолжают осуществлять конструирование своей собственной идентичности на основе индивидуальной селекции ценностных смыслов среди многообразия религиозных традиций, которыми насыщена социокультурная среда и медийное пространство современного общества. Логика автономизации и плюрализма имеет в качестве контрапункта логику дестабилизации сферы духовно-нравственного самоопределения.

Основные векторы религиозной и светской социализации молодёжи в условиях цифровой среды

Ключевым измерением, позволяющим рассмотреть проблему взаимодействия светского и религиозного, служит цифровая среда, генерирующая как новые возможности, так и новые угрозы. Анализ основных векторов трансформации границ религиозности и светскости в контексте

социализации современной молодёжи в условиях цифровой среды показывает, что в последние десятилетия на фоне процессов информатизации и глобализации стала заметно выделяться новая форма социализации молодёжи — цифровая, ключевыми особенностями которой являются: избыточное изобилие информации, сетевая структура коммуникации, увеличение темпа межличностного и группового взаимодействия. Как отмечает Д.В. Шмонин, в условиях нарастания информационных вызовов современного общества со стремительной цифровизацией коммуникационно-информационного пространства усиливается «внимание к связке “язык—культура—ценности” не только в аспекте обучения, но и в аспекте воспитания» [13, с. 526].

Развитие цифровой среды становится серьёзным фактором трансформации границ религиозности и светскости в общественном сознании и формирования риск-тенденций (рис. 2).

Для конфессиональной религиозной социализации цифровая среда может выступать только вспомогательным средством социализации, в то время как основа остаётся неразрывно связанной с общиной в пространстве офлайн. Несмотря на то, что сегодня традиционные религии стремятся задействовать весь спектр информационных технологий и активно проникают в цифровое пространство, присутствие

в сети Интернет традиционных религиозных институтов не может заменить офлайн-овой, прежде всего культовой, составляющей религиозной социализации. В противовес ей полноценная конфессиональная религиозная социализация невозможна в отрыве от религиозной общины.

На основе анализа многообразия конфессиональных и светских типов религиозной социализации пользователей отметим, что риск трансформации границ светскости и религиозности, в первую очередь, выражен в процессах их взаимоналожения и взаимозамещения. С одной стороны, традиционные религиозные организации используют светское интернет-пространство в целях достижения классических задач, присущих им как социальным институтам: это представительский, информационный виды деятельности, в том числе миссионерский и катехизаторский, а также вместе с тем и досуговый. В таком случае религиозные организации, перенимая тренды светской индустрии развлечений, оказываются под угрозой утраты самого главного достояния веры — представления о священном.

В то же время границы светскости и религиозности в цифровой среде подвергаются размыванию со стороны секулярно, атеистически настроенного сообщества, испытывающего значительный интерес к природе религиозного и его институциональным проявлениям в современном мире. Это приводит к массовому увеличению религиозного и квазирелигиозного медиаконтента, не прошедшего верификацию со стороны конфессионального сообщества. В свою очередь это ведёт к дезинформации широких слоёв населения относительно религиозной культуры, её ценностей, мировоззренческих оснований, истории, практической деятельности конфессий. Тогда именно понимание внутренней логики устройства религиозных организаций, их системно-образующих смыслов является основой для самопроверки граждан при столкновении с религиозным, около- и квазирелигиозным контентом в цифровой среде, что в свою очередь

является основанием для противодействия экстремистским и деструктивным движениям в интернет-пространстве (ил. 1).

Необходимо выделить ещё один вектор трансформации светскости и религиозности: обеспечение целостности, устойчивости, стабильного развития таких светских институтов, как государственность и гражданственность, посредством гармонизации образовательного пространства и религиозной социализации, когда обладание теологическими и религиоведческими знаниями является фактором безопасности медиасферы и коммуникаций в цифровой среде. Если в советскую — доцифровую — эпоху светскость понималась как уход от обязательного усвоения знаний о религии, понижение её ценности до атрибута исторического процесса в Древнем мире, Средневековье, раннем Ренессансе, то сейчас наблюдается возрождение исторически оправданного отношения к традиционным религиям как к двигателям человеческой культуры, науки, искусства, общественной жизни в целом.

Проведённый анализ современной религиозной ситуации позволяет выявить основные риски взаимодействия религиозного и светского измерения постсекулярного общества. Отталкиваясь от концепции Х. Казановы, можно сформулировать основную гипотезу дальнейшего анализа того, что природа возможных конфликтов в дискурсивном пространстве современного российского общества обусловлена пересечением секулярных и десекуляризационных процессов [14].

Учитывая, что указанные процессы могут быть связаны, с одной стороны, с нарастанием религиозного плюрализма, ведущего к подрыву статуса традиционных религиозных конфессиональных групп, а с другой — с попыткой возвращения религиозных институтов в публичное пространство и сближением с государственными институтами, результатом чего становится снижение уровня доверия к ним, имеет смысл рассмотреть два основных негативных сценария.

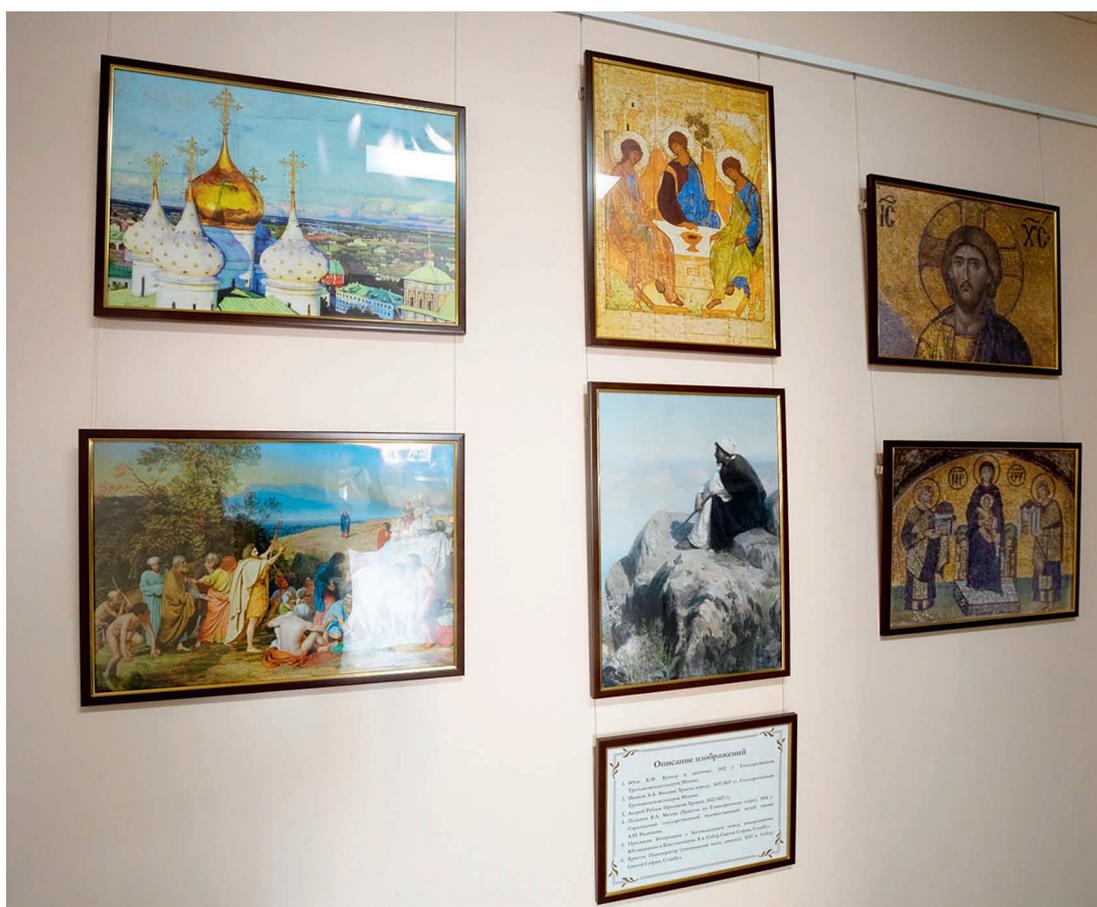
Ил. 1. Группа «Философия. Теология. Религиоведение» в социальной сети «ВКонтакте» как пример ресурса, содержание которого направлено на минимизацию рисков деструктивности

Существование первого сценария связано с дальнейшим развитием так называемого рынка религий, возникшего за последние тридцать лет в условиях активного распространения новых гетеродоксальных, урбанизированных, коммерциализированных форм религиозности, обычно существующих за пределами традиционных церквей.

Второй негативный сценарий связан с основной особенностью постсоветской модели десекуляризации, которая характеризуется возвращением религии как в публичную (государственную), так и в частную сферу. В данном случае не исключены конфликты воинствующих традиционалистов и их радикальных оппонентов из атеистического лагеря. К тому же общая тенденция возвращения религии в публичное пространство не всегда способствует росту индивидуальной религиозности, а может

свидетельствовать о зарождении религиозного конформизма.

Развивающееся пространство взаимодействия светского и религиозного мировоззрений является средой генерации рисков. Одной из актуальных рискогенных тенденций трансформации общественно-религиозных взаимоотношений становится рост антирелигиозности как способа социального протеста. Другим аспектом рискогенности выступает фактор противоречивого отношения определённой части российской молодёжи к Русской Православной Церкви, что связано с ассоциацией «Церкви с государственной властью, а поскольку в молодёжной среде традиционно высок уровень бунтарских, разрушительных настроений по отношению к существующему общественному порядку, в поле негативного восприятия

Ил. 2. Выставочно-образовательный проект
«Духовно-нравственная культура России в живописных образах и теологической рефлексии»
(философский факультет СГУ, фото с сайта <https://eparhia-saratov.ru>)

оказываются и официальные религиозные институты» [15, с. 390].

Однако определяющий фактор неприятия традиционных религий со стороны радикально настроенных атеистических групп в современном российском обществе лежит не только в сфере доктринальных положений и религиозных ценностей, но и в том, что религиозные институты проявляют активное сотрудничество с государством в социальной сфере. Более того, представление, что последователи традиционных религий должны в большей мере разделять прогосударственные настроения, мотивирует представителей политической оппозиции поставить себя в оппозицию и к традиционным религиям.

Вышеописанные социальные институты представляют собой различные варианты традиционной религиозной социа-

лизации. При этом по мере нарастания цифровизации общества всё большее влияние на молодёжь начинают оказывать институты нетрадиционной религиозной социализации, которые зачастую носят неконфессиональный характер, но не исключают и конфессиональный компонент. Интервьюирование представителей молодёжи свидетельствует, что значительную часть информации о религии они получают из СМИ (как печатных, так и электронных), Интернета и индустрии развлечений (компьютерные игры, кино, художественная литература).

На сегодняшний день именно цифровая среда является основным и вместе с тем динамично развивающимся агентом религиозной социализации для подавляющего большинства молодёжи. Контент-анализ медиаресурсов и парсинговые исследо-

вания свидетельствуют, что в историко-культурном контексте информация о религии вызывает у молодёжи стабильный и достаточно высокий интерес. Несомненными достоинствами, обеспечивающими доминирование стратегии религиозной социализации средствами интернет-пространства, являются всеохватность, доступность и добровольность. Однако эта стратегия остаётся и наиболее рискованной в силу отсутствия контроля качества и проверки достоверности контента религиозной тематики. В рамках проекта был проведён анализ представленности религиозного содержания у сообществ в сети «ВКонтакте».

Основным путём минимизации обозначенных рисков должна стать разъяснительная работа образовательных институтов и СМИ относительно правильного понимания принципа светскости. Позитивной тенденцией может стать и расширение религиозоведческого и теологического образования. Такая работа должна включать

расширение практики просветительской работы с детьми и молодёжью, развитие систем духовно-нравственного воспитания в общеобразовательных организациях и организациях дополнительного образования (ил. 2).

Кроме того, особенно важным становится включённость в государственно-конфессиональный и общественно-конфессиональный диалог религиозных объединений, являющихся культуuroобразующими для конкретного региона и страны в целом. В свою очередь, необходимым условием гармонизации отношений внутри конфессии становятся укрепление религиозных общин, создание горизонтальных социальных связей на приходах, предоставление возможности реального участия прихожанина в совместной подготовке к богослужениям, в осуществлении обучения и наставления в вере, организации семейных праздников и мероприятий, реализации волонтерской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beckford J.A. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
2. Peters L. Religion als diskursive Formation. Zur Darstellung von Religion in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Bielefeld: Transcript, 2021.
3. Von Stuckrad K. Discursive study of religion: from states of the mind to communication and action // Method and Theory in the Study of Religion. 2003. № 15 (3). P. 255.
4. Орлов М.О., Иванов А.В. Дискурсивное изучение религии в постсекулярном обществе: концепты и проблемы // Вестник Омского университета 2022. Т. 27. № 1. С. 50–54.
5. Выступление митрополита Волоколамского Илариона во Всероссийской библиотеке иностранной литературы // Официальный сайт Московской патриархии Русской Православной Церкви. 2012. 25 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (дата обращения: 20.07.2023).
6. Sherkat D. Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency // Handbook of the sociology of religion / Ed. M. Dillon. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. Pp. 151–163.
7. Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России (1989–2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 77–88.
8. Чеснокова В.Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX в. М.: Академический проект, 2005.
9. Baker J. Buster G.S. The nones: Social characteristics of the religiously unaffiliated // Social Forces. 2009. № 87 (3). Pp. 1251–1263.
10. Bullivant S. Introducing irreligious experiences // Implicit Religion. 2008. № 11 (1). Pp. 7–24.

11. Zuckerman P. Society without God: What the least religious nations can tell us about contentment. New York: New York University Press, 2008.
12. Woodhead L. Epilogue // Religion and Youth / Ed. S. Collins-Mayo, P. Dandelion. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010. Pp. 239–241.
13. Шмонин Д.В. Язык и теология в современной образовательной среде // Материалы международной научно-практической конференции «Перспективы развития и исследований в сфере наук об образовании». М.: Изд-во Российской академии образования, 2022. С. 525–529.
14. Шишков А. Некоторые особенности десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь. 2012. № 2. С. 165–177.
15. Орлов М.О. Риски взаимодействия светской и религиозной культур в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 388–392.

Relations between Secular and Religious Mind-set as a Theological Problem: Social Risks, Challenges of Digitization and Establishment of a Civil Dialogue

Mikhail Olegovich Orlov – Doctor of Science (Philosophy), Dean of the Faculty of Philosophy, Head of the Department of Theology and Religion Studies, Saratov Chernyshevsky State University, leader of the project ‘Relations between Secular and Religious Mind-set as a Theological Problem: Social Risks, Challenges of Digitization and Establishment of a Civil Dialogue’ (21-011-44127).

E-mail: orok-saratov@mail.ru

Andrey Valeryevich Ivanov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov Chernyshevsky State University, executor of the same project.

E-mail: ivanowaw@gmail.com

Sergey Aleksandrovich Danilov – Candidate of Science (Philosophy), Head of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov Chernyshevsky State University, executor of the same project.

E-mail: daniilovsa@sgu.ru

The problem of relations between secular and religious beliefs is topical in modern Russian society; its importance is largely determined by the growing internal risks and threats, including extremist and protest movements, the spread of crisis patterns of spirituality, and citizens' involvement in destructive quasi-religious practices. Preservation of Russia's spiritual and moral culture is one of the priorities of the national security, a guarantee of national sustainability and stability in the face of the expansion of socio-cultural practices and ideological narratives alien to Russian traditions and values. This study focuses on the search for constructive frameworks for cooperation between the state, religious institutions and society.

Research team's work resulted in the following achievements: identified historical and philosophical perspectives on secularism; justified choice of discourse analysis as a methodological basis for the study of secularism and religiousness; defined the idea of secularism as a complex interrelations of secular and religious worldviews; outlined the boundaries of understanding secularism in the context of theological discourse; identified and described risk areas of public discussions on the role of religion in a modern scientific space; identified negative scenarios of development of relations between the state, church and society; analysed the impact of the digital environment on the attitude of young people to the problems of faith, religion, morality; analysed the vectors of transformation of the boundaries of religiousness and secularity in the digital environment; developed a classification of media sources publishing religious content, described their main strategies, identified potential risks and threats; developed recommendations for public authorities to assess and monitor the Internet environment for destructive religious trends.

The results were reflected in the developed consensus model of inter-confessional relations, aimed at maintaining the spirit of partnership and trust between representatives of secular and religious worldviews in the conditions of modern post-secular society, the promotion of willingness of state, religious and social institutions to cooperate on socially important issues.

Keywords: theology, religious values, worldview, post-secular society, secular humanism, civil society, risk society, social institutions

REFERENCES

1. Beckford J.A. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
2. Peters L. Religion als diskursive Formation. Zur Darstellung von Religion in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Bielefeld: Transcript, 2021.
3. Von Stuckrad K. Discursive study of religion: from states of the mind to communication and action // Method and Theory in the Study of Religion. 2003. № 15 (3). P. 255.
4. Orlov M.O., Ivanov A.V. Diskursivnoe izuchenie religii v postsekulyarnom obshchestve: kontsepy i problemy // Vestnik Omskogo universiteta 2022. T. 27. № 1. S. 50–54 (in Russian).
5. Vystuplenie mitropolita Volokolamskogo Ilariona vo Vserossiiskoi biblioteke inostrannoi literatury // Ofitsial'nyi sait Moskovskoi patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2012. 25 aprelya 2012. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (data obrashcheniya: 20.07.2023) (in Russian).
6. Sherkat D. Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency // Handbook of the sociology of religion / Ed. M. Dillon. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. Pp. 151–163.
7. Sinelina Yu.Yu. Etapy izmeneniya religioznosti naseleniya v Rossii (1989–2006) // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. № 4. S. 77–88.
8. Chesnokova V.F. Tesnym putyom: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX v. M.: Akademicheskii proekt, 2005 (in Russian).
9. Baker J. Buster G.S. The nones: Social characteristics of the religiously unaffiliated // Social Forces. 2009. № 87 (3). Pp. 1251–1263.
10. Bullivant S. Introducing irreligious experiences // Implicit Religion. 2008. № 11 (1). Pp. 7–24.
11. Zuckerman P. Society without God: What the least religious nations can tell us about contentment. New York: New York University Press, 2008.
12. Woodhead L. Epilogue // Religion and Youth / Ed. S. Collins-Mayo, P. Dandelion. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010. Pp. 239–241.
13. Shmonin D.V. Yazyk i teologiya v sovremennoi obrazovatel'noi srede // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Perspektivy razvitiya i issledovaniy v sfere nauk ob obrazovanii». M.: Izd-vo Rossiiskoi akademii obrazovaniya, 2022. S. 525–529 (in Russian).
14. Shishkov A. Nekotorye osobennosti desekulyarizatsii v postsovetskoj Rossii // Gosudarstvo, religiya, tserkov'. 2012. № 2. S. 165–177 (in Russian).
15. Orlov M.O. Riski vzaimodeistviya svetskoi i religioznoi kul'tur v tsifrovuyu epokhu // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2022. T. 22. Vyp. 4. S. 388–392 (in Russian).